

УДК-81.42

Черкасова Инна Петровна

заведующий кафедрой
иностранных языков и методики
их преподавания ФГБОУ ВО
«Армавирский государственный
педагогический университет»,
доктор филологических наук,
профессор
(г. Армавир)

Cherkasova Inna Petrovna

The Head of the Department of
Foreign Languages and Methods of
Teaching, Armavir State Pedagogical
University, Doctor of Philological
Sciences, Professor
(Armavir)

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

THE AXIOLOGICAL SYSTEM OF POETIC DISCOURSE

Аннотация:

Статья посвящена изучению поэтического дискурса, который рассматривается как аксиологическая система, обладающая определенной функциональной перспективой. Язык социален по своей сути, поэтому содержательная и смысловая стороны лингвистических единиц связаны с социокультурными факторами, способами видения и осмысления объектов. Автор приходит к выводу, что семантика концепта определяют особенности функционирования поэтического дискурса. Результаты исследования могут найти применение в учебных курсах по теории языка, теории дискурса, стилистике, интерпретации текста, теории и практике перевода.

Ключевые слова:

дискурс, текст, поэзия, аксиология, образ, художественная литература, концепт.

Abstract:

The article is devoted to the study of poetic discourse. Discourse is considered as an axiological system having a certain functional perspective.

A language is social in its nature, so the conceptual part of linguistic is connected with socio-cultural factors, the ways of viewing and understanding of objects. The author comes to the conclusion that the semantics of the concept can determine the peculiarities of functioning of poetic discourse. The practical value of the paper consists of the application of the results of the investigation in the course of stylistics, text interpretation, discourse theory, theory and practice of translation.

Keywords:

discourse, text, poetry, axiology, image, fiction, concept.

В рамках современной антропоцентрической парадигмы теория дискурса представляет собой одно из самых продуктивных и перспективных направлений лингвистики (Н.Ф. Алефиренко [1], В.З. Демьянков [6], В.И. Карасик [8, 9], W. Chafe [16], T. Dant [17], T.A. van. Dijk [18, 19], I. Parker [20] и др.),

так как раскрывает не только особенности функционирования языковых средств в конкретной ситуации, но и позволяет определить аксиологические ориентиры общества на определенном этапе развития. В.З. Демьянков отмечает, что анализ дискурса (discourse analysis) как научное направление зародился раньше идеи «лингвистики текста», «но именно ему было суждено реализовать исходные замыслы такой лингвистики» [6].

Особое место в системе дискурсивных формаций занимает поэтический дискурс, репрезентирующий аксиологическую систему социума сквозь призму элитарной языковой личности, обладающей феноменальными способностями представления основополагающих концептов культуры посредством образов и картин. Н.Ф. Алефиренко, анализируя лирико-прозаический дискурс, пишет о нем: «из хаоса мыслей и чувств, из смутных и спонтанно рождающихся образов возникает упорядоченная художественным мышлением красота, гармония мысли, чувства и слова» [1]. Феноменальность поэтического пространства состоит прежде всего в «сгущении смысла» (А.А. Потебня) [13] как определении поэтичности. С этим связана и многозначность поэтического слова, о которой говорят практически все поэтологи. Многозначность становится основой для создания бесконечного множества переводов и интерпретаций одного произведения.

В.П. Литвинов пишет о том, что разгадать тайну поэзии пытались многие литературоведы, лингвисты и философы. Цитируемый автор провёл уникальный научный эксперимент, детально раскрыл технологию создания поэтических текстов и показал результат работы этой технологии [10, с. 152–254]. И всё же тайна осталась. В чём суть «божественности» поэзии? Это вопрос скорее философский в современной структуре научного знания, чем лингвистический. Метафорически можно сказать, что хороший поэтический текст восходит к идеям о «трансцендентном» и о «логосе». Вопрос о трансцендентном – вопрос о создании текста. Логос – основа значимости и вневременного бытия поэтических текстов. Признание «логоса» ведёт, по сути, к признанию интермыследеятельности, которая и становится основой существования классических художественных текстов. Соединение трансцендентного и логоса благодаря творческой индивидуальности автора позволяет тексту быть, существовать в значениях и смыслах для читателей многих поколений и столетий. Это реальность, являющая человека как феномен природы, феномен мира.

В пространстве поэтического дискурса человек реализуется как субъект, или, как писал Э. Бенвенист, «только язык придаёт реальность, свою реальность, которая есть свойство, – понятию «Ego» – «моё я» [3, с. 292]. Пространство поэтического (художественного) дискурса следует определить, как процесс лингвистико-герменевтического поиска пути от противостояния личности миру к взаимодействию с ним, взаимопониманию, от дисгармонии к гармонии. Художественные тексты относятся к аксиологическим текстам, воздействие которых направлено на эмоциональную сферу сознания [2, с. 86]. Именно поэтому, как указывает В.П. Литвинов, читатель стихов, например, «волнуется не безотчетно, а проговаривая словами чужого текста свое собственное волнение» [10, с. 197].

Основной характерной чертой поэтического дискурса, по мнению В.И. Карасика, является наличие аксиогенной ситуации, осмысление которой «связано с определением ценностей» [8, с. 7]. Роль мышления в процессе существования человека неоднократно подчёркивал Г.П. Щедровицкий: «я сосуд с живущим, саморазвивающимся мышлением, я есть мыслящее мышление, его гипостаза и материализация, организм мысли. И ничего больше. Так я себя рассматриваю и так к себе отношусь» [15, с. 9]. Безусловное первенство мышления в процессе познания является очевидным.

В рамках аксиогенной ситуации [8; 9] функционируют художественные концепты, существенно отличающиеся от концептов лингвокультурных (общезыковых). По мнению В.И. Карасика, различные подходы к пониманию концепта основываются на единой лингвофилософской платформе, суть которой состоит в переосмыслении дихотомии «язык – речь» как «языковое сознание – коммуникативное поведение». Языковое сознание в этой связи «трактруется значительно шире, чем язык, поскольку исследователей интересуют феномены коллективного и индивидуального сознания в его вербальном воплощении». В соотношении между коммуникативным поведением и речью, с точки зрения ученого, также наблюдается расширение предмета «от текста в его письменно фиксированном виде до всей совокупности намерений коммуникантов, меняющейся ситуации общения, принятых в определенной культуре образцов поведения, невербальной составляющей коммуникации, интертекстуальных связей и т. д.» [7].

В качестве положительных следствий такого развития науки В.И. Карасик определяет вовлечение в сферу лингвистики достижений смежных гуманитарных областей знания, обогащение лингвистической теории новыми понятиями и методами. В качестве издержек исследователь рассматривает терминологическую неопределенность и смысловой разрыв между областями одной науки [7, с. 132-133]. Цитируемый автор отмечает неоднородность культурных концептов и выделяет этнокультурные, социокультурные и индивидуальные концепты [7, с. 136-138]. Замечая, что индивидуальные концепты являются неотъемлемой частью концептосферы личности, В.И. Карасик обращает внимание на ситуации, когда индивидуальная окраска становится доминирующей. В этих случаях, пишет исследователь, «мы должны разгадывать индивидуальные смыслы в философских и поэтических текстах» [7, с. 138].

Представляются правомерными характерные черты поэтического слова, лежащего в основе концепта, приведенные в монографии И.А. Воробей: а) слово-образ; б) звучащее слово; в) существует в рамках поэтического текста; г) не может быть оторвано от поэтического мира [5]. Основой существования поэтического концепта является образ. Понятие образа, рассмотренное С.М. Мезениным в пособии «Образные средства языка» [12], пожалуй, не утратило своего значения за два десятилетия. Ученый относит образ и образность к сфере широких и многоплановых по содержанию понятий, различное истолкование которых влечет за собой противоречия и полемику.

«Образ» С.М. Мезенин называет ключевым понятием для теории познания, теории литературы, языкознания и других наук, включающимся в специфический метаязык той или иной науки. Автор указывает на субъективность и идеальность образа, его обращение к носителю-субъекту, который определяется неповторимостью жизненного пути и жизненного опыта. По мнению исследователя, образ двойственен по своей природе: он отнесен к предмету, но не отождествляется с ним. Образ изоморфен, сходен с отраженным предметом, но отражение является приблизительным [12, с. 4]. Специфической формой отражения объективного мира цитируемый автор называет художественный, а также литературный образ, определяемый спецификой материала: этим материалом является язык [12, с. 65]. В данном контексте наблюдается очевидное сопряжение литературно-лингвистического понятия

XX века «образ» и современного понятия «индивидуальный (художественный) концепт».

Против традиционного использования термина «образ» в рамках герменевтики резко высказывался Г.И. Богин, называя его «советским полутермином», обозначающим в принципе лишь предметное представление. В рамках текста же, по его мнению, присутствуют смыслы и идеи [4].

Высказывания Г.И. Богина и С.М. Мезенина, безусловно, важны. Значимым является тот факт, что они странным образом не противоречат друг другу. Конечно, первичными в художественном тексте являются смысл и идея, другими словами понятийная и ценностная составляющие по В.И. Карасику. Но образная составляющая, апеллирующая к предметному представлению, также присутствует, и присутствует в гораздо большей степени, чем в концептах социальных. По сути, в художественных концептах как составной части художественных текстов, образная составляющая первична и требует распредмечивания с целью постижения смысла и идеи.

Так, например, в стихотворении Э. Дикинсон открытое пространство поэтического текста позволяет проследить трансформацию концепта «одиночество», которое переходит в «уединение». Оппозиция I и World, this и that преодолевается путем введения объединяющего образа Nature, олицетворяющего божественную любовь (love of Her):

E. Dickinson

This is my letter to the World
That never wrote to Me –
The simple News that Nature told –
With tender Majesty

Her Message is committed
To Hands I cannot see –
For love of Her – Sweet -- countrymen –
Judge tenderly – of Me

Это тот случай, когда «мыслящее мышление меняет значения в универсуме значений» [11, с. 309].

Поэтический текст антидекларативен и философичен, что является основой его многогранности. Понимание поэтичности текста – это понимание единства языка и мышления, аксиологической парадигмы автора, преломленной через призму динамики культурного опыта. Образная реальность, рождённая авторским мышлением, пробуждает мышление читателя. Мышление требует коммуникации и рождает её в широком смысле слова, в том смысле, как её трактует В.П. Литвинов: «Коммуникация – это не просто разговор, это такой разговор (диалог – «диа – логос»), когда общаются не только люди, но через людей, на материале человеческих индивидов, общаются языки, мышления, идеологии, культурные содержания и целые культуры» [10, с. 11].

Поскольку каждый индивид по-своему осваивает мир, по-своему переживает его, рефлексивная реальность каждого человека оказывается индивидуальной. Таким образом, понимание одного и того же текста разными реципиентами неизбежно является различным. В этой связи Г.И. Богин говорит о взаимодействии граней понимаемого и неизбежности многогранности понимаемого [4, с. 60-61]. Процессы понимания неразрывно связаны с процессами интерпретации. Ещё У.А. Чейф писал, что процессы восприятия и вербализации носят интерпретирующий характер. Используя его формулировку, можно сказать, что с человеком происходит довольно мало такого, что мы бы не интерпретировали в терминах моделей, уже имеющих у нас в уме [14; 16]. Эти схемы определяют нашу концептуальную организацию опыта, наше отношение к нему, связанные с ним ожидания, а также то, как мы будем о нем рассказывать.

Слово в тексте обладает значением и экспрессией, и лишь в рефлексивной реальности реципиента на смену им приходят смысл и эмоция, при этом не важно, адекватны ли в полной мере последние замыслу автора, так как ценность художественных произведений и состоит в способности экспрессивного слова рождать множество различных эмоций у разных людей. Как письменная форма преобразуется в звуковую, так и экспрессия преобразуется в эмоцию с той разницей, что первое преобразование можно назвать эксплицитным, а второе – имплицитным. И если звуковую форму можно «оживить», то авторская эмоция не проходит «сквозь» текст, не идет напрямую от автора к читателю. Она дважды испытывает преломление:

во-первых, проходя через призму кодирования; во-вторых, в рефлексивной реальности реципиента. Авторская эмоция трансформируется в эмоцию читателя, которая может не только не совпадать, но и быть диаметрально-противоположной эмоции автора.

Безусловно, существуют индивидуальные различия в способности к образному мышлению, порождающие различные образные модели, и, в результате, влияющие на процессы понимания. Языковые формы выступают как «начальная точка процессов анализа», в ходе которого происходит построение концептуальных сущностей на разных уровнях

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Теория речевых актов // Вестник КемГУ. – 2012. – № 4 (52). – Т. 3.
2. Баранов А.Г. Прагматика как методологическая перспектива языка. – Краснодар : Просвещение – Юг, 2008. – 188 с.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М. : УРСС, 2002. – 448 с.
4. Богин Г.И. Филологическая герменевтика. – Калинин : КГУ, 1982. – 86 с.
5. Воробей И.А. «Бог» и «ангел» в поэзии Р.М. Рильке (Конкорданс и интерпретация). – Пятигорск : ПГЛУ, 2007. – 120 с.
6. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. – М. : Институт языкознания РАН, 1995. – С. 239-320.
7. Карасик В.И. Лингвокультурные концепты: Подходы к изучению // Социоллингвистика вчера и сегодня : сб. обзоров / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. Языкознания. – М., 2004. – С. 132-163.
8. Карасик В.И. Языковая пластика общения : монография. – Волгоград : Парадигма, 2017. – 462 с.
9. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. – Волгоград : Парадигма, 2015. – 432 с.
10. Литвинов В.П. Герменевтика и поэзия. Опыт конструктивной мистификации // Герменевтика поэзии : коллективная монография. – Армавир : РИЦ АГПУ, 2007. – С. 162-253.
11. Литвинов В.П. Гуманитарная философия Г.П. Щедровицкого. – М. : ННФ «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого», 2008. – 408 с.
12. Мезенин С.М. Образные средства языка (на материале произведений Шекспира). – М. : МГПИ им. В.И. Ленина, 1984. – 100 с.
13. Потебня А.А. Мысль и язык. – Киев : СИНТО, 1993. – 192 с.

14. Чейф Л.У. Память и вербализация прошлого опыта // Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – С. 3-41.

15. Щедровицкий Г.П. Сладкая диктатура мысли // Вопросы методологии. – 1994. № 1-2. – С. 9-12.

16. Chafe W. Discourse, consciousness, and time // The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. – Chicago : University of Chicago Press, 1994. – 392 p.

17. Dant T. Knowledge, Ideology, and Discourse: A Sociological Perspective. – London ; New York : Routledge, 1991. – 266 p.

18. Dijk T.A. van. Handbook of Discourse Analysis. Vol. 1: Disciplines of Discourse. – London : Academic Press, 1985(a). – 302 p.

19. Dijk T.A. van. Principles of critical discourse analysis // Discourse and Society. – 1993. – Vol. 4 (2). – P. 249-283.

20. Parker I. Discourse Dynamics: Critical Analysis for Social and Individual Psychology. – London ; New York : Routledge, 1992. – 169 p.

REFERENCES

1. Alefirenko N.F. Teoriya rechevyh aktov [The theory of speech] Vestnik KemGU, 2012, № 4(52) T.3. (In Russian)

2. Baranov A.G. Pragmatika kak metodologicheskaya perspektiva yazyka [Pragmatics as a methodological perspective of the language]. – Krasnodar : Prosveshchenie – YUg, 2008. 188 p. (In Russian)

3. Benvenist E. Obshchaya lingvistika [General Linguistics]. M. : URSS, 2002. 448 p. (In Russian)

4. Bogin G.I. Filologicheskaya germeneytika [Philological hermeneutics]. Kalinin : KGU, 1982. 86 p. (In Russian)

5. Vorobej I.A. «Bog» i «angel» v poezii R.M. Ril'ke (Konkordans i interpretaciya) ["God" and "angel" in the poetry of RM. Rilke (Concordance and Interpretation)]. – Pyatigorsk : PGLU, 2007. 120 p. (In Russian)

6. Dem'yankov V.Z. Dominiruyushchie lingvisticheskie teorii v konce XX veka [Dominant linguistic theories at the end of the 20th century] // Yazyk i nauka konca 20 veka. M. : Institut yazykoznaniya RAN, 1995. P. 239-320. (In Russian)

7. Karasik V.I. Lingvokul'turnye koncepty: Podhody k izucheniyu [Lingvocultural concepts: Approaches to research] // Sociolingvistika vchera i segodnya; Sb. obzorov / RAN. INION. Centr gumanit. nauch.- inform. issled. Otd. YAzykoznaniya. M., 2004. P. 132-163. (In Russian)

8. Karasik V.I. Yazykovaya plastika obshcheniya [Language plastics]: monografiya. Volgograd: Paradigma, 2017. 462 p. (In Russian)
9. Karasik V.I. Yazykovaya spiral': cennosti, znaki, motivy [Language: values, signs, motives]. Volgograd: Paradigma, 2015. 432 p. (In Russian)
10. Litvinov V.P. Hermenevtika i poehziya [Hermeneutics and poetry] // Hermenevtika poehzii: kollektivnaya monografiya. – Armavir: RIC AGPU, 2007. – P. 162-253. (In Russian)
11. Litvinov V.P. Gumanitarnaya filosofiya G.P. Shchedrovitskogo [The humanitarian philosophy of G.P. Shchedrovitsky]. – M. : NNF «Institut razvitiya im. G.P. Shchedrovitskogo», 2008. – 408 p. (In Russian)
12. Mezenin S.M. Obraznye sredstva yazyka (na materiale proizvedenij Shekspira) [Expressive means of language (based on Shakespeare's works)]. M.: MGPI im. V.I. Lenina, 1984. 100 p. (In Russian)
13. Potebnya A.A. Mysl' i yazyk [Thought and language]. Kiev: SINTO, 1993. 192 p. (In Russian)
14. Cheif L.U. Pamyat' i verbalizatsiya proshlogo opyta [Memory and verbalization of experience] // Tekst: aspekty izucheniya semantiki, pragmatiki i poetiki. – M.: Editorial URSS, 2001. – P. 3-41. (In Russian)
15. Shchedrovitskiy G.P. Sladkaya diktatura mysli [Power of thinking] // Voprosy metodologii. № 1-2, 1994. P. 9-12. (In Russian)
16. Chafe W. Discourse, consciousness, and time // The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. – Chicago: University of Chicago Press, 1994. 392p. (In English)
17. Dant T. Knowledge, Ideology, and Discourse: A Sociological Perspective. London; New York: Routledge, 1991. 266 p. (In English)
18. Dijk T.A. van. Handbook of Discourse Analysis. Vol. 1: Disciplines of Discourse. London: Academic Press, 1985(a). 302 p. (In English)
19. Dijk T.A. van. Principles of critical discourse analysis// Discourse and Society, 1993. Vol. 4 (2). P. 249-283. (In English)
20. Parker I. Discourse Dynamics: Critical Analysis for Social and Individual Psychology. London; New York: Routledge, 1992. 169 p. (In English)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Черкасова И.П. Аксиологическая система поэтического дискурса / И.П. Черкасова // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2018. – Т. 1, № 1. – С. 145–153.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Cherkasova I.P. The axiological system of poetic discourse / I.P. Cherkasova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2018, vol. 1, iss. 1, pp. 145–153. (In Russian).